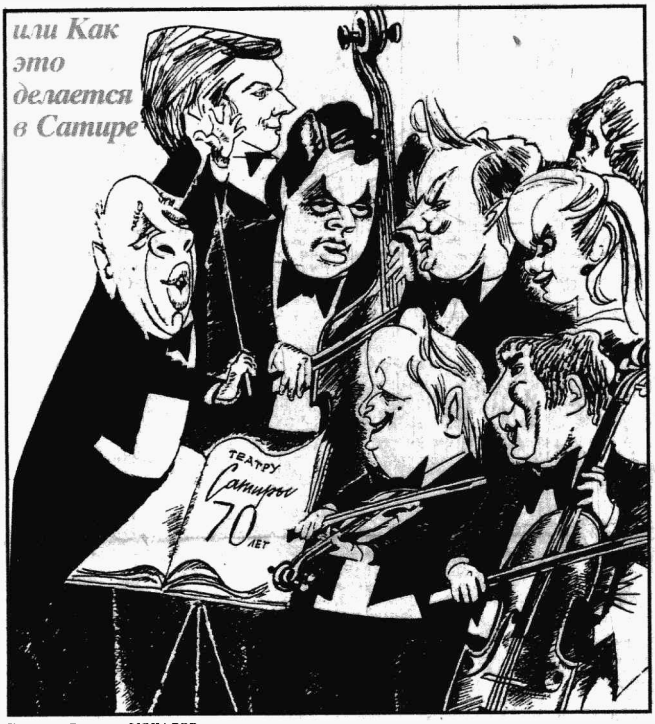
70 ЛЕТ СПЛОШНОГО ХОХОТА

или Как это делается в Сатире



Художник Владимир МОЧАЛОВ.

Валентин Николаевич ПЛУЧЕК

1. Наша действительность, каждый ее день богат на такие события, что сатира как оружие кажется уже старомодной и неэффективной. Нужны, говоря мягко, другие меры. Сатира, например, беспомощна в борьбе с оргпреступностью. 150 лет назад был написан «Ревизор», а взяточничество осталось. Начинаешь сомневаться. Думается, что сатира, укусы театрального искусства недейственны для лечения общества.

2. Театральный случай... У нас был реквизитор, которого все очень любили. Он был без ума от нашего театра, всеремя разносил реквизит. Но был всегда пьяненький. И вот сделает он свою работу, ляжет в уголок и спит. Актеры его любили, а директор не раз увольнял. А он приказы не читал, приходил и, уволенный, работал. И однажды директор ему сказал: «Почему ты приходишь в театр и напиваешься? Лучше, когда захочешь выпить, скажи мне». Бутафор: «Сейчас!»

3. Шутка, горькая шутка, которая мне сегодня очень близка: «Два человека несут третьего на носилках. Тот спрашивает:
— Куда вы меня несете?
— В морг!
— Но я же еще живой! — изумляется тот. Они отвечают:
— Но и мы еще не дошли!»

Георгий Павлович МЕНГЛЕТ

1. Я долгие-долгие годы и не знал, что есть сатира. Наши вожди, правда, уверяли, что нам нужны Гоголи, Щедрины, но почему-то сажали Зощенко, Эрдмана, травили Маяковского. Так что, что такое сатира, я не знал и не знаю до сих пор.
И когда я в 1945 году поступал служить в Театр сатиры, то мой великий учитель Алексей Денисович Дикий говорил: «Куда-куда ты идешь? В Сатиру? В Москве есть сатира? Перестань, ее нет и быть не может». И надо сказать, что он был прав: мы играли в основном развлекательные пьесы, но за что я безумно уважаю наш театр, так это за то, что у нас никогда не шли пьесы Сафронова, Сурова и иже с ними. Совесть у театра чиста: мы выпускали Маяковского и Эрдмана, «Теркина на том свете» Твардовского и «А был ли Иван Иванович?» Назыма Хикмета. И не наша вина, что их тут же запрещали и их мало кто видел и помнит.

2. Забавных случаев, розыгрышей, подставок была масса. Например, в водевиле «Гурий Львович Синичкин» Андрей Миронов играл архитектора, а я — начальника управления по делам искусств. И приносит он мне по ходу пьесы проект реконструкции театра. Я его должен утвердить и дать ЦРУ (ценные руководящие указания). А играл Миронов этакого заику-интеллигентика. И были у него очки, приделанные намертво к бутафорскому же носу. И вот на одном из спектаклей я и говорю:
— Ну-ка, дайте мне свои очки, я не вижу. Дайте-дайте!
Не дать начальнику очки Миронов-персонаж не мог, дать Миронов-актер тоже не мог — только вместе с носом. Андрей «поплыл», расхохотался и убежал со сцены.

3. Во время первой мировой войны государь-император Николай II приехал на позиции, встал со свитой на горе и смотрит в бинокль на сражение. Вдруг — грохот и у его ног падает снаряд, но не взрывается, а только шипит. Свита в ужасе. И тут подбегает рядовой Иванов, хватает снаряд, бросает его с горы. Тот внизу взрывается. Николай II подзывает генерал-адъютанта графа Гагарина и говорит:
— Полковник Иванов просит руки вашей дочери!
— М-м-м,— мычит Гагарин,— ваше императорское величество...
— Хорошо, генерал, барон Иванов просит руки вашей дочери!
— Государь, генералов и баронов много, а дочь у меня одна...
— Отлично, мой лучший друг Иванов просит руки вашей дочери!
Тогда Иванов, обращаясь к царю, не выдерживает:
— Коль, брось перед ним унижаться. Пошли его к ... Что мы с тобой, баб не найдем, что ли?!

Александр Анатольевич ШИРВИНДТ

1. Как я отношусь к сатире? Плохо! К Театру сатиры отношусь хорошо!

2. Забавный случай вспомнить не могу. Пусть Михал Михалыч вспоминает (показывает на Державина. — *Р. Б.*)

3. Любимой шутки и анекдота у меня нету. Честно можно ответить один раз? Так вот, нету и все! И вообще, что, я один в Сатире, что ли?!

Михаил Михайлович ДЕРЖАВИН

1. Последний гениальный сатирик — Федерико Феллини. Дали — сатирик! Что касается наших сатириков... Были талантливые люди, которые могли писать и остро, и смешно. Вообще русская сатира — слишком уж убивающая наповал. А в последние годы сатира стала больше смахивать на эстраду.
Что касается меня, то я не собирался работать в Театре сатиры. Я был на Малой Бронной, у Эфроса. Но если Александр Анатольевич (показывает на Ширвиндта.— *Р. Б.*) был занят во многих спектаклях, то я болтался без дела. Марк Захаров и Андрей Миронов агитировали меня перейти к ним. Плучек увидел меня в «капустнике» — а тогда были замечательные «капустники», взял к себе. А я уже переманил в Сатиру Ширвиндта.

2. Мы были в Магнитогорске, на празднике «Выплавка 200-миллионной тонны стали». Принимали нас фантастически. И, естественно, всем дарили сталеварские каски, причем на каждом из заводов, где мы выступали. Оставлять каски в гостинице неудобно: каски-то дарили именные, с надписью «А. Папанов», «А. Миронов». «М. Державин», ну и т. д. Когда мы улетали (а для театра, само собой, выделили специальный самолет), то нас, артистов, привезли первыми. Каски — а их у каждого было уже..... — мы положили под сиденья, причем они заняли ВСЕ «подсиденья».
Времена были «обкомовские», поэтому три передних места оставались пустыми: для тех, кто по «бронё». Не эти места из депутатской комнаты привали трех местных тузов. Толстых таких, да еще на нас как-то косо посмотревших. Заработали двигатели, тогда я вышел к стюардесе и в маленький микрофончик сказал: «Приготовьтесь к полету: не курите, пристегните привязные ремни и наденьте каски! Каски находятся под сиденьем вашего кресла». Я вышел и подмигнул артистам. Те спокойно начали надевать каски. Тузы, сунув руку и нащупав каски, тоже их нацепили и полполета в них дисциплинированно просидели, пока я снова не подошел к микрофончику и не сказал: «Можно отстегнуть ремни и снять каски». Весь театр еле задавил хохот.

3. Я очень люблю старинные анекдоты. Так вот, я запомнил любимый анекдот замечательного актера Владимира Яковлевича Хенкина: «— Ваша жена похожа на дрейфующую льдину! — Почему? — С нее вчера сняли двух Героев Советского Союза и одного папанинца!»

«Сатирифф» попросили соратников по цеху и единомышленников дарить им (и читателям) «кадр-анекдот», состоящий из трех вопросов:
1. Как Вы относитесь к сатире и ее театру?
2. Можете ли Вы вспомнить какой-нибудь забавный случай, связанный с Театром сатиры?
3. Ваша любимая шутка или анекдот?
Опрос среди «первачей» — известных актеров и «мастодонтов» — ветеранов театра провел ведущий «Сатириады» Рубен БЕКНАЗАРЮЗБАШЕВ.

Спартак Васильевич МИШУЛИН

1. Какая сатира, если ее нет даже в Театре сатиры! Мне трудно говорить. Надо бы что-то юбилейное, но... Я десять лет не играю в Театре сатиры. Кроме «мужчины в полном расцвете сил» из «Малыша и Карлсона». Его я ваяю уже 26 лет. А так... Я понимаю Валентина Николаевича Плучека, который двигает молодежь. И все же я становлюсь как выжидыш. Неужели я такое говно, что мне и роли найти нельзя? Я про себя уже начинаю подумывать, что это происходит, потому что я — не еврей. На мой взгляд, нельзя забывать тех, с кем ты начинал или добивался первых успехов.

2. Забавный случай? Был в жизни и такой! Гольдони. «Забавный случай». Я играл в этой пьесе отца Филиберта.

3. Есть любимый приличный, есть любимый скабрезный. Вам какой? Неприличный? Ну вот такой хотя бы. В троллейбусе женщина просит стоящего впереди мужчину передать талон. «У меня руки заняты. Вот грузин стоит — он передаст». Грузин оборачивается и кричит: «Кто передаст? Я передаст?! Да сам ты — передаст!!»

Юрий Борисович ВАСИЛЬЕВ

1. Сатира для меня связана с моим отцом: он был известным новосибирским карикатуристом, и с детства я был окружен рисунками Ротова, Бидструпа... Я видел, как отец, прищурясь, рисует злобных буржуев... Но как жанр театральный я карикатуру и сатиру не воспринимаю. Когда в Театре сатиры я попал в пьесу Михалкова, то для меня это был кошмар.
Эта вывеска — Театр сатиры — нам очень мешает. В чем заслуга нашего театра, так это в том, что Плучек расширил само понятие сатиры. (Хотя, по его собственному признанию, терпеть ее не может.) Появились Гоголь, Грибоедов, Бомарше, Шекспир, которые, скорее, поучают, чем обличают. Жизнь у нас стала ныне такой страшной, карикатурной, что видеть еще и карикатуру на сцене — это уже перебор. Сейчас нужно нести добро, заряжать зрителей положительно. Но не скучно, а талантливо. И смешно.

2. Многие мои забавные случаи связаны с моей фамилией. Мало того, что Веру Кузьминичну Васильеву считают моей матерью, а Герарда Васильева — отцом, так ведь и Таню Васильеву не пожалели — считают моей женой. Убедить народ, что мы не родственники — просто невозможно. Например, вот совсем недавно у нас был прямой эфир на телевидении в Томске. Я — в костюме Людовика, Вера Кузьминична — в костюме королевы Анны. Мы долго рассказываем, как жалко, что мы не мама и сын. Прошел эфир, а назавтра какая-то горничная томской гостиницы «Октябрьская», встретив Веру Кузьминичну в коридоре, говорит ей:
— Видели вас вчера с сыном. Жалко только, что у него таких ямочек нет на щеках, как у вас!

3. Мой любимый политический анекдот: «Чукча стоит в мавзолее и плачет. Плачет и плачет, приговаривая:
— Ленина, Ленина! Однако, лучше бы ты был жив, а дело твое умерло».

Театральный сапожник Вадим Тимофеевич БОРИСОВ (слегка презв)

1. Театр для меня — Театр сатиры. Сатира для меня — Театр сатиры, а Театр сатиры для меня — место работы. Вот актеры думают, что они здесь главные, а что они без нас? Вы видели на дверях театров объявление «Требуются артисты»? А машинисты сцены требуются в каждом театре, даже сейчас, после перестройки, когда всех везде сокращают.

2. Все забавные случаи в театре связаны с нами. Ну хотя бы такой. Должны мы были по реплике молоденькой, только что введенной артистки поднять вверх куплиты и сменить декорацию. Она по роли говорила: «Да будет так!» — и мы дергали за веревки. Она роль забыла и стоит, не зная, что ей делать. Тогда ее партнер, кажется, это был Андрей Миронов, громко говорит: «Да будет так!» И негромко актрисе: «А вы идите, идите отсюда!»
С нами, с рабочими, вообще ссориться нельзя. Обидел нас как-то один актер. Сильно обидел. А по ходу пьесы он из горла пьет шампанское. Ну мы ему в бутылку пудру и насыпали. Он ее, значит, гарданлыбым таким жестом опрокидывает, в оттуда... И он весь... В общем, больше он нам не хамил!

3. А любимый мой анекдот тоже про меня: «Машинист сцены упал с лесов и спасся только чудом, зацепившись за кулису. На следующий день чудо у него посинело и распухло».

Занавес.

САТИРИАДА